

— На самом деле мы видим, как сильно этот отец любит свою дочь, раз обустроил для нее столько комнат, ставших «настоящим девичьим раем», — сказал он. — Но теперь его дочь покидает его, чтобы выйти замуж за другого мужчину... Никто из нас пока не может до конца прочувствовать это. Думаю, для Дженни именно эти чувства — самое дорогое.

Спустя мгновение из динамика донесся обреченный вздох режиссера Яна:

— Учитель Су, раз уж вы так все расписали, мне пришлось бы признать вашу правоту, даже если бы вы ошиблись... Тем более что вы действительно ответили верно! Поздравляю!

— Ура! — стоило режиссеру объявить об успешном завершении задания, как все присутствующие с радостными криками бросились обнимать друг друга.

Жун Юйхэн сиял ярче всех. Радость буквально переполняла его и так и просилась в кадр. Впрочем, если присмотреться, к этому восторгу примешивалось предвкушение скорого обеда.

Он и впрямь умирал от голода. Съёмки этого шоу длились по четыре-пять часов кряду, и колоссальный расход как физических, так и умственных сил был вовсе не шуткой.

Когда съёмка завершилась, все поспешили в гримерную и принялись распаковывать ланч-боксы.

Ян Вэнь подошел к ним и похлопал в ладоши:

— Отличная работа, все хорошо постарались! Чуть позже запишем короткие отзывы, и на сегодня всё. — Затем он повернулся к Жун Юйхэну: — Юйхэн, тебе тут звонили. Не хочешь перезвонить?

— Хорошо, спасибо, режиссер Ян.

Жун Юйхэн думал, что звонил Сюй Сунь, но, к своему удивлению, обнаружил пропущенный вызов от Вэнь Чжэчэна.

Он замер на секунду, а затем поднялся, вышел в коридор и набрал его номер.

Трубку сняли после второго же гудка — Вэнь Чжэчэн словно только и ждал звонка.

— Алло? Учитель Вэнь, я только что был на съемках, телефон с собой не брал.

Голос Вэнь Чжэчэна прозвучал мягко:

— Ничего страшного, я знаю.

Не дав Жун Юйхэну спросить, откуда ему это известно, он поинтересовался:

— Как прошли съёмки?

Жун Юйхэн вспомнил съёмочный процесс и так и расцвел:

— Отлично! К тому же брат Су очень заботился обо мне.

На том конце провода внезапно повисла тишина.

Жун Юйхэн уже подумал, что пропала связь, как вдруг отчетливо услышал:

— Брат... Су? Это кто?

— Су Юйинь, учитель Су.

— И ты зовешь его «братом»?

Тон Вэнь Чжэчэна показался странным, и Жун Юйхэн в замешательстве ответил:

— Ну да, брат Су старше меня всего на десять лет, так что называть его так вполне нормально.

Вэнь Чжэчэн замолчал. Спустя мгновение он с явной неловкостью, но недвусмысленно намекнул:

— А я старше тебя всего лет на пять.

Над головой Жун Юйхэна завис невидимый вопросительный знак. Он осторожно спросил:

— Так ты тоже зовешь его «братом»?..

Вэнь Чжэчэн: «...»

Гордость теряют либо раз и навсегда, либо никогда.

Стиснув зубы, Вэнь Чжэчэн решил идти до конца:

— Я имею в виду, как ты зовешь меня?

В этот миг заржавевшие шестеренки в голове Жун Юйхэна наконец завертелись, и до него дошел намек!

«Ну всё, — подумал он, — Учитель Вэнь все еще не вылечился».

Но почему его «болезнь» кажется такой милой?

На том конце провода Вэнь Чжэчэн, так и не дождавшись ответа, в напряжении закусил губу, как вдруг в трубке раздался звонкий смех: «хи-хи-хи-хи-хи».

Голос Жун Юйхэна, слегка смеющийся и легкий, как перышко, просочился сквозь динамик и пощекотал самое сердце:

— Тогда ты мой братик...

Примечание автора:

Вэнь Чжэчэн: Кто-то еще живет, а я уже умер.

На мгновение Вэнь Чжэчэну показалось, что его сердце онемело.

Обращение «братик» задело его за живое куда сильнее, чем просто «брат».

Не услышав ответа, Жун Юйхэн без зазрения совести продолжил допытываться:

— Братик, почему ты молчишь?

В горле Вэнь Чжэчэна словно встал ком от нахлынувших чувств, и после долгой паузы он смог

лишь выдавить невнятное:

— М-м.

«...» — Жун Юйхэн наконец понял, каково это — выдавливать зубную пасту. Надавишь раз — вылезет капля, надавишь еще — еще капля...

От этого равнодушного мычания он лишился дара речи, и в его душе шевельнулось легкое сожаление: «Вэнь Чжэчэн парень хороший, вот только не очень-то веселый. Будь он поживее, мы бы точно стали отличными друзьями».

Помня о стынувшей еде, Жун Юйхэн протараторил еще пару фраз и повесил трубку. Он побежал обратно, радостный, словно веселый щенок.

Громко топая, он прибежал обратно в гримерную и только собрался зарыться носом в ланч-бокс, как Су Юйинь взял его за шкуру.

— Тебе звонил твой менеджер? — спросил Су Юйинь.

Рот Жун Юйхэна был набит едой, поэтому в ответ он лишь издал булькающие звуки и помотал головой.

На мгновение Су Юйинь почувствовал себя так, словно разговаривает с кипящим чайником.

— Ладно, — сдался он, — сначала прожуй.

Жун Юйхэн дважды кивнул, снова издав невнятное «буль-буль».

...

Когда с едой было покончено, Ян Вэнь попросил каждого записать на камеру свои мысли по поводу пройденного этапа. Отзыв обязательно должен был соответствовать теме и нести позитивный посыл.

Предыдущая речь Су Юйиня об отцовской любви вдохновила остальных, и участники один за другим принялись развивать тему теплых семейных отношений между родителями и детьми.

Вскоре в павильоне воцарилась невероятно трогательная атмосфера, и даже наблюдавшие со стороны сотрудники съемочной группы не смогли сдержать эмоций.

Пока другие записывали свои отзывы, Жун Юйхэн молча поджимал губы, погруженный в собственные мысли.

Наконец очередь дошла до него. Камера нацелилась на юношу, и режиссер Ян Вэнь махнул рукой, давая знак приготовиться.

Стоявший в стороне Го Ли, который уже слышал кое-какие слухи о Жун Юйхэне, сочувственно вздохнул и негромко обратился к Чэнь Шулиню:

— Слышал, у Юйхэна в семье всё непросто, да и натерпелся он в прошлом. Должно быть, эта тема для него особенно близка.

Чэнь Шулинь, который симпатизировал Жун Юйхэну, посочувствовал:

— Надеюсь, он сможет оставить былые невзгоды позади.

Случайно подслушавший их Ян Вэнь: «...»

Они точно говорят о том самом Жун Юйхэне?

Сам объект всеобщего внимания даже не подозревал, о чем судачат у него за спиной. Глядя в черный объектив камеры, он вдруг почувствовал, что слова застряли у него в горле.

Ян Вэнь снова жестом поторопил его. Жун Юйхэн собрался с мыслями, подумал пару секунд и заговорил:

— Тема сегодняшнего выпуска навела меня на одну важную мысль.

Объектив с тихим щелчком сфокусировался, приближая лицо Жун Юйхэна для крупного плана.

Устремив глубокий взгляд прямо в камеру, он под выжидающими взорами присутствующих с предельной серьезностью произнес:

— Нам, девочкам, нужно очень внимательно выбирать парней. Только удачно выйдя замуж, мы сможем подарить родителям душевный покой.

В студии повисла мертвая тишина.

Выдав это изречение в духе истинного «друга всех женщин», Жун Юйхэн замолчал.

Стоило ему закрыть рот, как воздух в помещении словно застыл.

От фразы «нам, девочкам» у Ян Вэня даже рот приоткрылся от изумления.

Спустя некоторое время он с трудом выдавил из себя попытку спасти положение:

— Что ж... если посмотреть на ситуацию с позиции девушки... то такой вывод тоже имеет право на жизнь.

Су Юйинь поспешил поддержать режиссера:

— Верно, это можно назвать раскрытием темы отцовской любви через женскую призму. Весьма неординарный подход.

Закончив запись, Жун Юйхэн отошел в сторону. Си Тао не заметила ничего странного — все ее мысли были только о хронометраже.

Она тихонько потянула его за рукав:

— Это же был твой личный крупный план! Почему ты не сказал больше? К тому же, если бы ты рассказал о своих теплых отношениях с отцом, это бы очень расположило к тебе зрителей.

Жун Юйхэн с абсолютно спокойным лицом ответил:

— Не стоит. Боюсь, он зазнается.

Си Тао растерялась, но, видя, что он не расположен откровенничать, была вынуждена

отступить.

Для Су Юйиня «девичье» откровение Жун Юйхэна стало очередным ударом. Он чувствовал себя смертельно уставшим.

Только теперь до него дошло, какую свинью подложил ему Сун Тан. Это была никакая не «забота», это была настоящая проверка на прочность.

— Малыш Жун, тебе нужно заботиться о своем экранном образе и не ляпать того, что может вызвать пересуды, — отвел он юношу в сторону и заговорил с ним серьезным тоном. — Ты можешь вступаться за девушек, но не надо... так сильно вживаться в роль. Журналисты мигом раздуют из этого скандал.

Над головой Жун Юйхэна снова возник воображаемый знак вопроса:

— И что же они напишут?

Су Юйинь прикусил язык.

Дабы заставить парня отнестись к ситуации серьезно, он после недолгого колебания решил сгустить краски:

— Журналисты раструбят, будто у тебя расстройство гендерной идентичности и ты мнишь себя женщиной. А особо ретивые вообще заявят, что ты сменил пол или притворяешься парнем!

Выпалив этот бред, Су Юйинь сам на мгновение лишился дара речи от того, насколько глупо это прозвучало.

Чтобы скрыть неловкость, он поспешно добавил:

— И не думай, что это шутки.

Кто бы мог подумать, что Жун Юйхэн, выслушав его, лишь понимающе кивнет:

— Я верю.

Ведь такие слухи о нем уже ходили.

<http://bllate.org/book/18291/1754092>